

Виктор Акаткин

НА СЛУЖБЕ СОБСТВЕННОЙ СТРОКИ

(Поэмы Ивана Щёлокова)

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?

А.Н. Радищев

Виктор Михайлович Акаткин родился в 1939 году в селе Березняговка Усманского района Воронежской области. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, литературовед, литературный критик. 25 лет работал деканом филологического факультета Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Подъём», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Литературное обозрение», «Филологические науки» и др. Автор более 500 публикаций о русской литературе XIX–XXI вв., из них 14 книг. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Поэма — жанр испытующий и высокий, требовательный и воспевающий, а человек в ней — символ эпохи и даже века. Не каждый к этому жанру подступится и не всякий с ним успешно справится. Если не на высоте своего времени окажется поэт, она не станет для читателя интересной и духоподъемной, как парусник в безветрие для морского волка-романтика. Взятый за перо должен уметь работать не только с актуальными событиями и проблемами, но и с глобальными, вечными смыслами, «землю всю охватывая разом», как говорил Маяковский. Какую дерзость, какую решимость надо иметь, чтобы броситься к безмолвным белым страницам...

«Поэмы вообще падчерицы антологий, — писал известный профессор-славист В.Ф. Марков, — в наше время поэм больше не читают». Читают, конечно, но пишут редко. Иван Щёлоков за 1990–2000-е годы написал, помимо многих книг лирики, пять поэм! Назову их не по датам издания, а по времени написания, указанному самим автором: «Знак Водолея» (1991), «Сон-звезда» (1992–1993), «Красный пояс» (1999), «Роман без знака препинанья» (2001–2002), «Ячменка» (2005, 2014).

Две первые из них, можно сказать, звездные — в них действуют силы невидимые, космические, по сути своей они о России, о ее роковой и трагической судьбе. В кратком авторском предуведомлении к поэме «Знак Водолея» сказано: «По утверждению астрологов, Россия расположена под зодиакальным знаком Водолея, что сулит ей якобы особую благосклонность звезд в грядущем XXI веке. Хочется от души верить в предсказание, но пока сердце переполняют совсем иные, отнюдь не радостные чувства». Он ощущает себя меж противоборствующих сил и стихий, между противоположно заряженных объектов и феноменов бытия: Запад и Восток, ад и рай, свет и тьма, добро и зло, истина и ложь, Бог и Дьявол и т.п. А себя автор видит посередине «проросшим на русской земле колоском». Во все века нет примирения и согласия между враждующими полярностями, а нам достается от этого то ли беда, то ли отрада — «раздвоенность наших поступков и слов». Мы несем в себе противоборство разных сил, отчего все наши взлеты и падения, святые порывы и горькие разочарования. Щёлоков осознает, что космическая эпоха включила звезды в число действующих лиц истории, так же влияющих на нас, как цари земные, вожди и тираны.

О Русь! О тебе мои думы печальны.
И чувства тревожны. И песни горьки.
Добром и любовью мы всех привечали,
А нас с тобой чаще встречали в штыки.

Нас всегда наставляли: «Равняйся на этих и с теми дружи!» Но кого бы ты ни выбрал, к чему бы ни склонился, на чем бы ни утвердился, какая-то сила поднимает тебя и уносит к противоположному берегу, как, например, Григория Мелехова от красных к белым и обратно. Дорого обходятся нам наши метания, наши поиски святых и правых. И на всех путях нас ожидают черные дни, горькие утраты, душевные муки. За что нам достается все это? «За что нас не любят ни там и ни там?» — пытается автора старец у храма. И сам дает ответ, указывая пальцем на небо: «За то, что Россия... оттуда дарована нам!» Кем же? Самим Богом или звездой Водолея? Десять раз появляется в тексте этой небольшой поэмы всеисильная звезда, предопределяя судьбу страны, тревоги и боли поэта. Но что-то не очень заметно, чтобы была она благосклонна к нашей стране, как утверждали астрологи. Нет, по-прежнему одиноко человеческому сердцу между законами, культурами и нравами народов Востока и Запада.

И ты среди них словно входишь в костер...
И знак Водолея огнем первородным
Из бездны над Русью мятежно простерт.

Этот первородный огонь перегрел страну, и она разломилась пополам, начались раздоры и кровопролитие.

Шел сын на отца, а на брата шел брат.
И не было в мире страшнее раздора,
Эпохи чернее и горше утрат.

Звезда Водолея то смывает русскую память морской волной, то засыпает песком пустынь; она меняет эпохи, свергает мессий и снова зовет вождей на троны, она то велит «отыскивать истину в лозунгах звонких», то призывает братья за оружие. И все это раз за разом повторяется... Мы обречены на двоемирие и борьбу сторон, путь наш от забвения до прозрения, которое дается в слезах и муках, но только на небе, после смерти. Круг замкнулся: «Судьба ли такая? Звезда ли такая?» И, будто выписывая «знаки грядущей беды», кружит под облаком «проклятая птица». А круг — это символ вечности и повторения всего.

Восток на востоке. На западе Запад.
Не к часу смеяться. Не к месту заплакать.
Тем паче судить да ридить не умею!
Звездой Водолея болею, болею...

В поэме «Знак Водолея» И. Щёлоков нарисовал не просто картину России, а панораму, ее судьбу в пространстве и времени. Во многих стихотворениях мы видим ее на карте-двухверстке, в локальных подробностях человеческого существования. Конечно, со звездной высоты видна вся Земля, но холодно и неудобно на этой высоте. И Щёлоков пытается в следующей поэме «Сон-звезда» разглядеть с этой высоты дом и судьбу отдельного человека.

Неведомая, необоримая космическая сила вторгается тут в жизнь семьи, прерывая ее привычное течение согласно отцовским заветам и народным традициям. Отец построил для трех своих сыновей новый дом и, справляя новоселье, благословляет их на долгую, достойную и счастливую жизнь.

Не для себя я строил дом,
Не для супруги верной.
Пускай живут три сына в нем
По всем статьям примерно!
Чтоб был у них в достатке хлеб,
А под руками — дело,
Чтоб ум от жадности не слеп
И сердце не черствело...

Сюжет «Сон-звезды» выстраивается с оглядкой на русскую волшебную сказку, приправленную современными чрезмерностями, набором деталей из наших времен: громко проговариваются тосты, звенят набатом бокалы, отец представляет гостям трех своих сыновей:

Мой старший — Ленин по уму,
А средний — это Сталин,
А младший (хрен его пойму!)
Хрущевым, может, станет...

Подбор имен для сравнения исторически реален, но в то же время символический, он долго-предолго отзывается эхом в движении сюжета и в памяти народа, настораживает тем, что было при этих вождях.

Время действия в поэме — 60-е, оттепельные годы, когда отцы, «хмелея от работы», строили дома и созидали страну, которая «хотела в рай шагнуть... с гагаринским размахом». Во всех ее краях справляли новоселья, и вот когда часы пробили двенадцать и петухи «о том же известили», старший сын внезапно проснулся, весь в поту и дрожа от страха, напугав своим видом отца: «Ты весь почти сошел с лица, / Трясешься, как зайчонок!» На признание сына («Мне снился, папа, страшный сон») отец отделался шуткой: «Опять про Бабку Ежку? Ляг на другой бочок...». Нет, тут совсем другое.

Мне этот сон Господь послал,
Он в этом Сам признался.
Он говорил, что нас беда
Подстережет, и скоро;
Что есть на небе сон-звезда,
И где она — там горе...

Какое оно будет и кого первым настигнет, сын выложил все как по-написанному. Отцу это бесовское предсказание показалось бредом. Он стал как чумной, им овладела тоска. В гневе на сына он срубил березку, которую посадил в день его рождения, облил бензином и спалил. Огнем пожара высветило все беды, камнями падающие на Россию.

Везде, куда свой взор ни кинь,
Разор и запустенье.

Где же эта сон-звезда и скоро ли тот страшный сон «ко мне найдет дорогу», — пытается сына отец. Найдет, но пришла пора испытаний для сыновей, «семидесятых тленный дух» остудил их живые души, и вот бредут они по своей, по чужой ли земле, крившейся в синей дымке.

Ржавеет в поле чей-то плуг.
Мхом поросла запруда.
И дым Отечества в трубу
Легит, не согревая,
И нашу трудную судьбу
Всерьез не принимая.

По всем приметам видно: неминуемые утраты их ожидают. «Зачем тебе далекий путь? — спрашивает друг. — Зачем звезды высокой жженье?»

Но тот торжественно вскричал,
Не совладев с порывом:
— Меня Господь туда послал,
Я внял Его призыву.
Давно он заново хотел
Очистить нас от скверны
И от греховных наших дел,
И от судьбы неверной,
Чтоб знать — теперь уж до конца:
Не будет противленья
Великим помыслам Творца
В грядущих поколениях.

Заметим, сюжет в этой поэме малособытийный, Щёлоков движет его монологами героев, а поверху, вторым слоем, разворачивается авторская дума о судьбе России, о прельщении и соблазнах, о скорых, революционных решениях всех проблем, предельно затратных во всех отношениях.

Старшего сына ничто не привлекало, не радовало на земле: ни собачья преданность, ни соловьиное пение, ни запах хлеба, ни сама земля — «Он жил мечтой о небе».

Во мне какой-то странный гул
Давно съедает душу.

Этот гул отвращает его от многоголосой жизни, даже от любви, ведь она зовет не вперед, а назад, к дому, а не в небо.

Любовь дороже ли? Звезда?
Два полюса, два женья,
А между ними ни следа
Взаимосообщенья!

Что же способно удержать звездного юношу на земле? Сколько их уходило за мечтой, за идеей, по зову медной трубы! Кому захочется увязнуть в мелких заботах дома-огорода? А отец называет своего старшего сына дураком, потому что не к той цели он стремится.

Не сон-звезда ему нужна,
А, коль сказать по чести,
Наташка — верная жена
С детишками, чтоб вместе
Держать скотину, огород,
Иметь мясо, картошку, —
Глядишь, и жили б круглый год,
Не подбирая крошки...

Как же так получилось: умный был старший сын Сашок, но...

Вдруг какая-то звезда
Взяла в свой плен с пеленок!
На что тогда он, отчий дом?
Кому — земля родная?
Живут соседи вон кругом,
Забот-хлопот не зная...
Родился тут и тут сгодись.

Какие приземленные, какие бескрылые идеалы провозглашает отец! Ничего в них нет зовущего, коммунистического, а ведь «не та отныне Русь! Куда летит — неясно».

В разлуке со старшим сыном жизнь отца «потеряла прежний смысл, / Не подсказала новый» и оборвалась в цветущий майский день, в Великую субботу. А тем временем сын держал путь то ли на родину, то ли на чужбину со страхом в глазах.

Дошел ли, нет до сон-звезды?
Вкусил ли плод желанный?
И где оставлены следы
Неведомых скитаний?

За авторским вопросом, не получившим ответа, прозвучал такой же материнский, на который она знала заранее, каким он будет.

Ну что, сыскал ли сон-звезду?
Не прохмелел от воли?
— Я, мать, за нею все иду.
Ты думаешь, легко ли!
— Я, может, выжила умом,
Всего не понимаю,
Но ты вернулся в отчий дом,
А тут звезда какая!..

Вернулся — и ни о чем не спросил, даже мать не узнал. А тут такое происходило, что о всякой звезде позабудешь. Только она сама сюда пришла, пока он искал ее: отец погиб, дом, построенный им, сгорел — младшие братья спалили, жена Наташа умерла при родах, а их сын на пепелище «строит дом из углей-головешек». Какая страшная плата за его порывы к сон-звезде, за его «шальную голову»:

Черт знает что! Дома в золе,
Кругом польнь, осока,
А на своей ли он земле?
Не спутал ненароком?
Старуха роется в углях,
Не замечает гостя.
Пацан поодаль — нос в соплях,
Собака гложет кости.

Картины такие, будто прошла по земле великая война, все погубила, все порушила и сожгла, уничтожила дорогие приметы, а он лишился способности узнавания: даже мать за какую-то бабуся принял...

Как на духу, скажи, бабусь:
Чье было тут жилище?
Зачем мальчишка строит дом
Из углей-головешек?
И где его отец и мать?
Спились, душою падши?
Хочу к себе его забрать —
Пусть будет братом младшим!

Чудесное в сказке преображает все, даже из пепла может возродиться птица Феникс. Коснувшись рукой щеки сына, мать в испуге отшатнулась:

Из глаз сыновних свет сиял
Пространства голубого,
И в сини той их дом стоял —
Целехонький, как новый.

Содержание «Сон-звезды» не только в словах, какими оно изложено. «Сказка ложь, да в ней намек», — сказано великим поэтом. И здесь намеки, аллюзии, подтексты, нераскрытая символика от звезды до пепла, а за всем этим встает наша история, взлеты и поражения в XX веке, уроки на будущее. Здесь одно содержание (сюжет с домом и звездой) становится формой для другого, главного содержания...

Чудесное обретение отчего дома на пепелище старого, узнавание и породнение с матерью и сыном можно посчитать наградой за все муки и потери в звездном скитании, которое оказалось пустым, безрезультатным. Был ли там, что там видел, что там делал старший брат? Нашел ли он там что искал? Нет, это открылось ему на земле, на пепелище отцовского дома, из которого он так неудержимо рвался к сон-звезде. Именно тут «шквал яростного света» пронзил быть и небыль его существования. Может, это пришло отрезвление и прозрение от горького дыма Отечества? По всему видно, что финал поэмы открытый и ответы на всякие вопросы могут быть разными (Кстати, Щёлоков не любит закруглять финалы даже в лирических стихотворениях). И все же, пора, пора возвращаться к самому себе, к родной земле, к делу жизни, к отцовскому наследству. Как много тут забот и тревог и срочных дел, в которых обретишь, наконец, подлинную звезду. В драме поиска сон-звезды есть своя социально-историческая основа — судьба русской деревни в беспощадном шествии прогресса, в изломах и преобразованиях, с которыми прошли по стране войны, революции, коллективизация и т.д.

Поэма «Красный пояс», написанная Щёлоковым в самом конце 90-х, снабжена поясняющим подзаголовком: «Лирико-публицистическое повествование». В ней нет никаких звезд, никаких таинственных космических сил, пленяющих сознание, ни сказочного волшебства, ни извечного противостояния Запада и Востока. В механизме сюжета поэмы прозрачная метафора, представляющая Россию красным поездом, несущим по Среднерусской равнине целую эпоху, а в одном из вагонов, в тамбуре, построился пассажиром автор-наблюдатель.

От чего так сердцу плохо?
Не маршрут, а сущий ад.
За окном стоит эпоха,
Оголив костлявый зад.

Неприглядная, в стиле 90-х, картина. Еще хлеще лепят ей оценки выпивохи-соглядатаи, увидев в ней блудливую особу. Таким же видится им и целый край, по которому мчится красный поезд:

Хочешь выжить — телевизор
В доме лучше не включай.

А дальше по дороге — красный пояс (так либералы прозвали некоторые области Черноземья), за ним вся страна, Россия-страдалица.

Целый век красна от крови!
Целый век бела тщетою!
От родительского крова
Веет синей пустотой.

Чуткое ухо уловит и тут противостояние полюсов, но уже внутривосточное: красного и белого, коммунистического и либерального. Номинантная фактура «Красного пояса» вполне современная, позднесоветская: СМИ, сенсация, блиц-опросы, олигархи, ГУЛАГ, СМЕРШ, штрафбат, целина, Усть-Илим и др. Уже по этому набору ходо-

вых, знаковых слов видно, куда клонит автор. Прощаясь с веком уходящим, красным, Щёлоков уклоняется от поминальных словословий, называет многое из того, что глубоко и с болью залегло в памяти людей. А красный поезд мчится «в новый век и мир», поэтому надо присмотреться к новым далям. Уже то, что поезд «скорый», настораживает пассажира: ведь «рельсы звонкие красны».

Дед глядит нам всем с укором
И с надеждою малец:
Уж не слишком ли он скорый,
Уж не шустрый ли, стервец?

Перед этим поездом, рвущимся из красного пояса в неизвестность, хочется опустить семафор (он так напоминает поезд Твардовского, выносящий Теркина с того света, или поезд Рубцова, который подхватил и понес его, «как леший»). Но автор надеется, что он донесет до внуков, каким был наш двадцатый красный век: заманчивым и страшным, распахнутым и давящим.

Был наш век двадцатый разным,
Был кровав и был дурен,
Разным был, но не напрасным
В череде иных времен!

Что бы ни было на красном пути, на «вековой магистрали», он не прервется, не изменит предназначенному направлению, а поэт тверже в мыслях и настроениях, увереннее расставляет вежи, предостерегающие от беды.

Бог тебя от революций
Пусть, Россия, сбережет!
Прирастешь ли ты Сибирью,
Черноземьем, Колымой —
Все не важно! Жить бы в мире
И в согласии с собой...

Годы гласности и плюрализма, отмена идеологии, шаткость в политике так возбудили общественное сознание, что человек стал терять уверенность в себе, в правильности курса страны, принимать неверные решения. Мелкотемье, чернуха и порнуха, сдача высот захватили и литературу. Прозревая дали российского пути, Щёлоков выбирает свою тропу.

Жить трезвее, быть бы проще —
Не болела б голова!
Не делили б даль отчизны
На цветные пояса!

Россия у нас одна. Исторические периоды, эпохи, десятилетия, оттепели или похолодания заканчиваются, пишет И. Щёлоков в предисловии к своей книге «Долгое эхо» (2001 г.), «а жизнь — она продолжается. И не только от тысячелетия к тысячелетию. И не только от века к веку. Но и от души к душе. От сердца к сердцу». Сказано просто, но это важно и необходимо нам сегодня и завтра.

В наступающем XXI веке поэт нацупал «молодой, сильный пульс», способность благотворно повлиять на мир и человека: «Не знаю, кто как, а я верю: в XXI веке человек обязательно станет более ответственным и порядочным, умным и добрым, терпимым и сдержанным». Его «лирико-публицистическое повествование» заметно приблизилось к земле-матушке, к главным, опорным ценностям человека. На вопрос «С кем вы, мастера культуры?» И. Щёлоков ответил бы: «С Россией!» И с русской, а не западной душой, — добавим мы, исходя из его книг. И красный пояс не чужой — мы его прошли.

Очердная поэма И. Щёлокова удивила многих необычным, несколько вызываю-

щим названием: «Роман без знака препинания. История одного замысла в стихах и дневниковых записях провинциального чиновника». Это уже прямое, смелое приближение к событиям и голосам злободневности — погружение в процесс выборов губернатора области. Заинтересованные в результатах избиратели знают, какой переполох они вызывают, как долго и трудно им придется стоять на ушах. И. Щёлокова занимают не бюллетени с плюсами или минусами (часто они известны заранее), а пульс человека, опускающего листок в урну.

Главный герой и одновременно автор поэмы — чиновник областной администрации, служба для него «любого творчества важней», а уйти на «вольных хлеба» он не рискует: дом, жена, дети. Но надежда на это прозвучала в первых же строчках потаенного труда:

Когда-нибудь свободным стану
От суеты и должностей.

Он действует в чрезвычайной, авральной обстановке выборной кампании, «в силках инструкций должностных», а для работы над стихами остается только ночь, когда домашние улягутся спать. У него «в дни всеобщей кабинетной истерии свое. С прошлого четверга две строчки покоя не дают», но «не скажешь ведь начальству: пошли вы, у меня творческий подъем!» Какое-то раздвоение, «где ты во всем — наполовину: / В любви, в карьере и в мечтах...» Но вот беда: «Привык я тут!» Так привык, будто прилип, будто поражен куриной слепотой.

Но как тут выглядеть нормальным
И адекватным быть, когда
Живешь в эпохе аномальной...

Два трагических события омрачили начало избирательной кампании: гибель атомной подводной лодки «Курск» и смерть большого русского поэта Анатолия Жигулина, певца ГУЛАГа и «Черных камней». Они не могли не повлиять на мироощущение И. Щёлокова. Несмотря на историческую основу событий и прозрачный автобиографизм его романа-поэмы, это не документ, не служебный отчет о завершённом процессе, а художественное произведение, то есть образ этого события, не лишенный вымысла, отбора, обобщения, символ чего-то большего, встающего за этим событием.

Выборы здесь не просто узаконенная процедура, а проблема выбора, возникающая перед каждым из нас и перед страной, но не всякий его делает. Точно так же автор и герой в одном лице, обозначенный прозрачно инициалами И. и Щ., не только реальный поэт и чиновник Иван Щёлоков, но и двоящийся образ нашего современника, персонаж, выполняющий свои функции в структуре художественного произведения. Реальному, биографическому Щёлокову нельзя приписать всего, что несет в себе его образное воплощение.

Наверно, пора бы высказаться о названии произведения. Оно названо интригующее и загадочно: «Роман без знака препинания». Но без какого? И в каком месте, чтобы не подвести под смерть, как в известном «Казнить нельзя помиловать». Скорее всего, речь идет о точке в конце романа как сигнале его завершения или как об удовлетворении автора его финалом и результатом выборов. Но роман не один раз заканчивался, а точка...

Опять вымарывал я точку...
Я и теперь ее сотру!

Но всякое дело требует завершения. Точка — это итог, знак качества, верный диагноз событию, дню или веку. Однако «слаб и жалок человек», имеет ли он право на окончательную оценку?

Пускай потоки ставят точку,
Коль същут днем ее с огнем!
Беру в основу многоточье...
Хороший знак! В нем — всё.

Можно представить себе, какая борьба шла у Щёлокова с самим собой над страницами этого производственного романа, над его финалом и названием. Кстати, оно подсказано таинственной героиней телефонного романа, прервавшегося, не дойдя до встречи с автором, с окончанием выборов.

Роман без знака препинания —
Не лучший,
    может,
        вариант,
Зато готовое название,
И повод выпить за талант.

Возникла другая проблема, решение которой зависело от жанровых и речевых предпочтений автора. Если в замысле вырисовывалась поэма (а она редко случается в прозе), то естественно остановиться на лирическом герое, близком автору. Если же это роман (он чаще всего реализуется в прозе), то в центре внимания должен быть объективированный лиро-эпический герой, а жанр синтетический, принимающий формы то стиха, то прозы, то поэмы, то романа. К этому решению Щёлоков пришел в шестой главе за чтением отрывков своего детища знакомому писателю Б., которому форма понравилась. «Кажется, и главные герои, наконец, обрисовались. В их числе, конечно же, наш непотопляемый отечественный чиновник. Сколько их, Его Величества Государства подданных, по всей великой матушке России! И у каждого своя стезя...» (Говорят, их теперь в два раза больше, чем в бывшем Советском Союзе). Кто только ни сочувствовал, ни плакал, ни издевался над этим многочисленным племенем, неостановимо работающим колесом в государственном механизме. И. Щёлоков доподлинно, словно членов своей большой семьи, знает это словосочетание (сам в нем варился). У него убедителен не только коллективный портрет областного чиновничества, но и каждый в отдельности. Обозначенный лишь одной первой буквой фамилии, каждый чиновник виден во весь рост, со своим характером, позицией, лавированием, хитроватостью и т. п. Щёлоков их, да и себя как чиновника не жалует: приспособленчество, подсиживание, нашептывание на ухо начальнику, вранье, «заложить ближнего — святое дело» и т. д. «Ты, конечно, тоже чиновник, — продолжает раскрываться главный герой, — но не такой, у тебя вон и книжки выходят... Ты внутренне рвешься за этот круг. Рвешься! Но как бы понарошку». Потому что сил не хватит. И окружение не позволит... И обстоятельства вынутят.

Привык я тут!
    Среди интрижек,
В кругу завяк,
    дельцов,
        льстецов
Я сам себя
    частенько вижу
Таким же точно...

Но ведь тошно быть таким же, когда можно быть другим. Каким же? Жить раскованно, не быть фараоном, любить многое, без страха водить пером «на службе собственной строки». Но перестроечный пыл и хмель пошли на дно, как подлодка «Курск». Может, зря он затеял свой роман? Больно слышать горькие, оправдательные строки, по сути своей пораженческие, которые уже не раз звучали в русской литературе.

Зачем мне это?

Разве мало

Оклада,

чтоб спокойно жить,

В своих кругах хорошим малым,

Как все былые годы,

слыть?

И, может,

хватит приключений,

Их нынче столько за спиной,

Что из иных таких сражений

Я выходил едва живой!:

Хуже всего, когда от тебя, несправедливо побитого и униженного, при встрече спешат «шмыгнуть за дверь любую», обливают сплетнями. Не лучше, когда в руках начальства ты лишь средство, снаряд для достижения его корыстных целей. А ведь у тебя были ценные идеи и предложения, но они, невоплощенные, терялись в папках начальников. Порой и чиновничья душа, доведенная до отчаяния, срывается на крик: «Должны же мы хоть однажды быть порядочными по отношению друг к другу? К себе? К своей работе. Ко времени, в котором живем...»

Но вот как пошел роман, где автор показал чиновничью «преисподнюю», так сразу почувствовал «к будням вкус», в нем «хрустальной музыкой ручья» зазвучала Россия, он готов признаться, что:

Не ставил цели

Чернить,

порочить,

клеветать.

Кто я такой на самом деле,

Чтобы судить и поучать?

Поклонись, сникни, гордая голова! Один в поле не воин, одним глазом всего не увидишь. Щёлоков понимает, знает, принимает отходчивую душу русского человека.

Привык я жить со всеми в мире,

Не быть глупей,

не быть умней.

В моем чиновничьем мундире

Удобней так мне и честней...

Не умничай, не забегай впереди начальства, все равно остановят. Еще Миклухо-Маклай говорил, что если в России чья-то голова поднимется выше головы, выше царского скипетра, ее быстро срежут. Вот и выходит все по-черномырдински: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Не пора ли нам задуматься над главным философским вопросом: «Зачем мы здесь и кто мы тут?»

В стихотворениях и поэмах И. Щёлокова этот вопрос, словно колокольный звон, с каким-то настойчивым постоянством гудит над нами, будто перед входом в храм на исповедь. В разных вариантах, но с одинаковой требовательностью обращен он ко всем нам и к каждому из нас.

Команда действующего губернатора проиграла вместе с ним на выборах. Почему? Может быть, все это к лучшему? Или наоборот? О многом думали, но меньше всего о себе. Поэт помогает нам заглянуть в себя и честно ответить, хотя бы мысленно, на его вопросы: «Кто мы? Где мы? В какой такой стране?»; «Зачем мы здесь и кто мы тут?»; «Так ли мы живем?»; «В этом времени кто я — зовущий, поющий / Или просто бредущий дорогой своей?»; «Важно мне: кто я такой?»; «И сам давно как будто клон я, / Где настоящий — не пойму»; «Теперь я ник в глобальной Сети, / Мне никогда не стать собой»; «Зачем, куда и с кем плывем?»; «Кто мы есть на самом деле / В уходящем этом

дне?»; «Неужели опять отрядимся в заложники зла?»; «Для чего я живу, существую — январь не ответит!»; «Каков мой век — таков и я»; «Не лучше ль жить легко и просто, / Без трудной доли мудреца?»; «Виновато ли время в моих превращениях?»; «Может, зря жил надеждой и верой / И любовью зря сердце томил?»; «А готов ли ты жить для людей, не чураясь труда?»; «Куда теперь и для чего все это было?»; «Время мое искаленное, — / Стоит ли дальше жить?»

Легко увидеть: Иван Щёлоков — поэт вопросов и редких ответов. В 90-е годы и около эти ответы без перспективы, зачастую мрачные, доходящие до крайности. Иного и быть не могло — страна болела отчаянием, и Щёлоков, как сейсмограф, улавливал настроения людей: «За спиной эпоха мрачная, / Перед взором — тень безвременья», «Наш век не выдан нам на вырост, / И для меня нет места в нем», «Выхожу из игры, это даже труднее, чем выйти из боя...», «Горькое время распада», «Высоки у безвременья ставки», «Уходящий день — день утраты» и т. п.

С середины десятых годов крепнет уверенность: «Еще не поздно все переиначить, / Переиграть нескладную судьбу»; «Минет все. За птичьим клином / Даль прозрачней, жизнь видней»; «Чтоб понять, зачем мы ныне, / Вознесись, поэт, на час!»; «Я и сам хочу все понять и узнать ответ».

Переживания лирического героя все заметнее переходят на более высокий уровень самоопределения в историческом и актуальном времени, он тверже стоит на зыбкой поверхности и знает, что делать в чрезвычайных обстоятельствах. С иной высоты смотрит он на дела и заботы, на будни и праздники жизни, на себя самого, на свою поэзию. Он не только свидетель происходящего, но и неравнодушный участник в делах людей: «Я — пока что мужик настоящий. Я умею подставить плечо! Я умею любить горячо!»; «Ты силен и отважен, / Ты не любишь без боя сдаваться».

Ты живешь для людей!
И другая судьба не нужна.
В этом — истинный путь на Руси
Для любого мужчины!

Слова его порой звучат как клятва, и она, поверьте, будет исполнена: «Поэты, подобно десанту, / Своих не оставят высот...»

В поэтических книгах И. Щёлокова 2010–2020-х годов, в газетных и журнальных подборках этих же лет — о России, о Донбассе, о Воронеже — «городе на лучах зари», о нынешнем «быстробежном времени» все чаще выходит из-за туч солнце, крепнет уверенность в том, что

Обретет
Душа в скитаньях мгlistых
Свой ясный путь вперед.

Щёлоков ведет затяжной спор с разладом и распадом, поразившими страну, с демобилизирующими настроениями, ими порожденными. Пораженчество — это уступка злу, а вина за него лежит на совести поэта. Его девиз — держаться до последнего, «когда и смерть — за жизнь»; его завет: «Не на всхлип надо жить — на вскрик!» Все чаще он обращается с молитвой к небу, к Богу, к тому абсолютному, что не позволит сбиться с праведного пути и отведет от греха. И он знает, как должен ответить на Божье участие.

Пока душа чиста,
Пока тревожит стыд,
Не обесчесть креста,
Не накопи обид.

Так произошло, так случилось, что «мы все осколками Союза разбросаны в своей стране». Пришла пора вновь собираться в большую семью, в единый народ, в нерушимое государство. Сужденный нам божественный путь от «я» к «мы», а не наобо-

рот, как переименовали в 90-е. «Без меня народ неполный», — сказано у Платонова. В стихотворении о родном Воронеже Щёлоков признает: «Я его не худший житель, / Без меня ему нельзя!» «Для себя я жить не могу» — таков уж русский человек. «Мне от совести не скрыться, / Оправданий не найти», — так обычно говорят еще до людского суда. Из всех путей на земле выбирается самый созвучный сердцу: «В конце концов, любовью путь означен, / Христовым благовестным языком». И главное на этом пути: «Сохранить бы святое искусство — быть собой среди удач и невзгод». Как здорово, что кому-то это удается! «Живу, как жил, любовью, / Надеждой, а не мстью...»

Поэма «Ячменка» возвращает нас в тот самый мир, в колхоз, из которого мы, как из Советского Союза, послушно вышли. Но это возвращение не для того, чтобы намазать дегтем его ворота, будто там жили какие-то шариковатые совки, а не наши матери и бабушки, отцы и деды. А для того, чтобы поклониться их могилам, вспомнить родных и близких, их общую крестьянскую жизнь, в которую они когда-то так трудно, с такими сомнениями и боязнью входили, а теперь с такой грустью вспоминают, как все было, как там жизнь прошла. Поэзия не может отвернуться от всего, что накопилось в памяти народной.

К крестам взывает совесть.
В душе — разлад, борьба.
И что ни надпись — повесть!
Ни человек — судьба!

Идею народности В. Белинский считал альфой и омегой русской литературы. Этой идеей пронизана и поэма «Ячменка», так скромно, так прозаически названная, с бытовым домашним сюжетом. За ним далеко ходить не надо, он объявлен уже в подзаголовке: «Воспоминание о необычной поездке студента со своим односельчанином за соломой на Ближнее болото и обратно». Но с первых же строк автор круто берет вверх, к важнейшим вопросам и смыслам нашего бытия, стремясь понять, «кто мы, где мы? В какой такой стране?» Значит, что-то утрачено, если нечем ответить на эти вопросы, если ты не тот и не там, кем и где хотел бы быть. А.Н. Радищев более двух столетий назад уверенно отвечал на подобные вопросы:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Герой «Ячменки» живет в городе, а на Пасху каждый год едет в деревню «поклониться крестам за весь наш род».

Там соберется люду
На кладбище полно...
И я там тоже буду
Со всеми заодно.

Это объединительное, постоянно звучащее «заодно» решительно противостоит обособленности, индивидуализму, разобщенности. В деревне «каждый всем знаком», «новостями идет обмен про все», помощь пришел «весь колхоз почти», даже рассвет приходит к людям, «чтоб быть со всеми вместе в веселье и беде», а если кто-то совершил проступок, «потом не помянут», простят. На зоркий глаз, не все так благостно в народе, но на иных основах он не сложится и не спасется. Искусство тоже может быть только «там, где ходят вместе страна, и песня, и народ», — говорил отец поэта.

«Ячменка» — самая земная, самая душевная поэма Щёлокова, в ней память о том деревенском мире, из которого он вышел с окончанием сельской школы. Сколько воды утекло, сколько изменилось всего на земле! Страна изменила свое название, вывесила другой флаг над Кремлем, смыло какой-то волной колхозы, стало не слышно песен в поле, поредели дома на деревенской улице, больше крестов и памятников

завиднелось на тихих погостах, и родительских тоже. В замечательной статье «Два берега, две веры» Щёлоков сообщает важную для творческой истории «Ячменки» подробность: «Однажды, в 1977 году, в конце августа, будучи на студенческих каникулах, я ездил за ячменкой с Ворожеем к Ближнему болоту: мать собиралась заколоть поросянку, для паления нужна была солома помягче».

Поэма проникнута народным духом, уважением к традициям, симпатией к коллективному бытию людей, выживающих на родной матушке земле. В ней ярче и богаче речевая стихия, изобразительнее картины природы, доверчивее к людям автор. Вот небольшая зарисовка по пути:

Росток зеленой жилкой
На солнце от тепла
Сквозь стебли лезет к жизни
Проворней, чем игла...

Щёлоков умеет нарисовать, как частная подробность становится моментом бытия, а минутный эпизод вливается в большое, вечное время: воз нагружен соломой, конь послушно везет его прямо на заходящее солнце, кажется, он вот-вот нырнет вместе с возом в закат, куда мы все, в конце концов, уходим — в вечность.

Там дни за днями в годы,
Теснясь, наверняка
Вливаются, как воды,
В могучие века.
А те потом в эпохи,
И — сплошь поток времен...

В этом потоке найдется место всем.

В закат, закат, туда же,
На пересыльный пункт,
Возами все однажды
Нырнем — не извлекут!

И будто вся природа настраивается на эту прощальную мелодию, зазвучавшую в душе автора, а редкая птица чибис (теперь ее редко увидишь в поле), словно оплакивает своими криками всех уходящих в закат. Она и учтивая к ним, и жалеет их, и хочет узнать, чьи они, куда идут в поздний час. Кто хоть однажды услышал это чибисово рыдание над полем, тот никогда его не забудет, словно крик матери, потерявшей ребенка...

И вот привезен воз соломы, набежали помощники — «весь колхоз почти», сложили стожок, на столе тут же традиционная самогонка, гулянка, разговоры о будущей печенке, за которую надо уже сейчас выпить, шутки, подковырки, песни... Без драки тоже не обошлось. Кто-то до дома дошел, кто-то в стожке заснул. Дело привычное, как говаривал Иван Африканович, герой Василия Белова. А итог всему этому обряду подвел могучий рассвет, пришедший к людям,

Чтоб быть со всеми вместе
В веселье и беде.
.....
А по-другому разве
Случается когда?

Это не просто слова — в них закон народной жизни, спасающий от небытия...

Чуткий к разнообразной красоте природы и жизни вообще, Щёлоков не отворачивается от сермяжной прозы крестьянского двора и хозяйства, в родительских хлопотах о соломе, о поросенке и буренке он видит не собственнические инстинкты, а стремление справиться с нуждой и бедностью, да и просто выжить. Любопытен в этом

отношении Терентий Ворожей, «буйн и выпивоха», «задиристый петух», а сам «му-жик тщедушный», росточком с картуз, зато в нем не сосчитать способностей и талантов: зубоскал, остролов, колдун, лечит от всех болезней колодезной водой, даже от бесплодия вылечил жену начальника райотдела милиции. Что ж, нужда заставит.

Живем, чем Бог пошлет:
Кто тащит, кто потери
Колхозные гребет...
А у меня кровинок
Мал-мала целых шесть.
Поди-ка, прокорми их,
Чтоб было пить и есть!..

Ворожей — главный смыслонесущий персонаж поэмы, близкий по сути сказочному герою Ивану-дураку. В ней 16 главок, вступление и заключение, и он появляется почти во всех ее частях. В прологе, читая надписи на крестах, где каждая — повесть и судьба, автор особо выделяет одну из них:

Не думая о смерти,
Прочту — всех слов живею —
На мраморе: «...Терентий...»,
В народе — Ворожей.

В эпилоге («с тех пор прошло лет тридцать») автор снова среди могил и крестов, где гости пьют по глотку за мертвых.

Я за Терёху тоже
Стаканчик подниму...

Как ему там, легче в чужой стороне?

Не знаю, как тебе там,
А нам — кричи: атак!

Каждый день загул и похмелье, льют отраву в души, а на смену Ворожею пришли такие лихие колдуны, которые не лечат, а «Дурят народ в три смены, / Не чувствуя вины. / Городят, как в Содоме...» И за соломой сообща не ездят, и самогон не пьют, и порсят из-за бугра везут...

Это не только плач по Ворожею, но и прощание с эпохой, утратившей смыслы и обычай народного общежития, дошедшей до опустошения души. Надо родиться, надо начинать заново. Набираться ума и опыта. Любить и верить. Одолевать черные полосы. Трудиться и жить «со всеми вместе».

Скажу тебе, Терёха,
Без всякого вранья:
Тут — не твоя эпоха,
И даже — не моя!

Поэмы И. Щёлокова помогут понять себя, выбрать верную дорогу. Свою страну, свою эпоху еще предстоит заработать...

